

- ³ The Overseas Territories. Security, Success and Sustainability. June 2012. – P. 5 / [Электронный ресурс]. – goo.gl/1hNJ6j
- ⁴ The Overseas Territories. Security, Success and Sustainability. – P. 6.
- ⁵ Ibid. P. 8.
- ⁶ The Overseas Territories. Security, Success and Sustainability. – P. 9.
- ⁷ British Overseas Territories Act 2002. / [Электронный ресурс]. – goo.gl/7uUd1d
- ⁸ The Overseas Territories. Security, Success and Sustainability. – P. 7, 8, 9, 19.
- ⁹ Ibid. – P. 6.
- ¹⁰ The Overseas Territories. Security, Success and Sustainability. – P. 70, 107.
- ¹¹ Договор об Антарктике (Подписан в г. Вашингтоне 01.12.1959) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXII.- М., 1967. – С. 233 – 239.
- ¹² Заявления, сделанные во время подписания Актов (Приняты в г. Женеве 12.08.2008 XXIV Конгрессом Всемирного почтового союза) / [Электронный ресурс]. – goo.gl/eiGG1u
- ¹³ Заявления, сделанные во время подписания Актов (Приняты в г. Женеве 12.08.2008 XXIV Конгрессом Всемирного почтового союза) / [Электронный ресурс]. – goo.gl/eiGG1u
- ¹⁴ The Overseas Territories. Security, Success and Sustainability. – P. 14.

Кузнецова Елена Николаевна *,
*доцент кафедры государственного и административного права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»,
кандидат юридических наук
(г. Самара)*

ИДЕЯ ВЕРХОВЕНСТВА КОНСТИТУЦИИ И ПОПЫТКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Верховенство конституции определяется ее сущностью. Данный принцип дает представление не только о месте конституции в правовой системе страны, в иерархии правовых актов – ее высшей юридической силе, но и о конституционной приоритетности в обществе и государстве, ориентированной на признание и соблюдение конституции всеми участниками общественных отношений¹.

* © Кузнецова Е.Н., 2016

Конституция – продукт определенных условий, ее принятие является обычно результатом буржуазной революции. Однако особенности развития того или иного государства дают исключения из этого правила².

Известно, что вопрос о том, была ли в дореволюционной России конституция, решается по-разному³. Но уже в дореволюционный период появились идеи, проекты, именуемые конституционными; а в начале XX века произошли такие изменения в государственной и правовой системе, которые инициировали дискуссию на тему: стала ли абсолютная монархия конституционной? Анализируя эти явления, используют понятие «конституционализм». Следовательно, вопрос об идее верховенства конституции в дореволюционный период есть смысл рассматривать в связи с проблемой отечественного конституционализма. Однако в вопросе о времени его возникновения исследователи расходятся.

По мнению одних, до февраля 1917 года можно говорить лишь о предпосылках возникновения конституционализма⁴. Другие исходят из того, что начало конституционализму было положено изменениями в государственно-правовом строе в результате событий 1905-1907 гг.⁵ Есть и авторы, которые усматривают в России конституционализм уже в XVIII – XIX вв.⁶ В связи с этим имеет смысл обратить внимание на содержание понятия «конституционализм».

Принято считать, что термин «конституционализм» появился впервые в американской политико-правовой мысли в конце XVIII – начале XIX века⁷. Отцы-основатели Конституции США 1787 года обозначали им верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами⁸. Затем этот термин получил более широкое значение и стал использоваться для характеристики демократического строя различных государств⁹. Следовательно, термин «конституционализм», производный от термина «конституция», с самого начала был ему неравнозначен.

В отечественной юриспруденции термин «конституционализм» длительное время не использовался. Он возникает лишь в XIX веке в качестве связанного с понятиями «конституционное государство», «правовое государство»¹⁰.

В советский период отношение к данному понятию определялось тем, что конституционализм рассматривался как характерный для буржуазной системы, неприемлемый в условиях советской¹¹. Демократизация политической системы в постсоветский период создала предпосылки для изменения отношения к данному понятию. Вопросы, связанные с понятием конституционализма и возможностью его использования применительно к российской истории, стали активно обсуждаться.

Современные отечественные авторы трактуют конституционализм неоднозначно. Детальный обзор различных интерпретаций этого понятия дают в своих трудах И.А. Кравец, О.Е. Кутафин¹².

Е.В. Алферова, анализируя различные мнения, приходит к выводу, что почти все исследователи рассматривают конституционализм «как единое органическое явление», соединяющее: 1) доктрину, идею (иногда идеологию); 2) саму конституцию; 3) определенную систему органов, отношений, процессов. Хотя, подчеркивает исследователь, не все специально выделяют эти «три составляющие, три базовых компонента конституционализма», научный анализ его развивается обычно в данных направлениях¹³. При таком понимании признание конституционализма в дореволюционной России предполагает наличие конституции и соответствующей системы органов.

Но есть и подход, который дает возможность ставить вопрос о нем независимо от того, имела ли до революции конституция. «Конституция, – пишет В.Е. Чиркин, – это правовой акт, конституционализм – идея, теория, движение, образ, требование»¹⁴. Исследователь различает современный конституционализм, который наряду с общественно-политическим движением, теорией, доктриной включает также практику, и конституционализм как *движение*. «Как *движение*, – констатирует В.Е. Чиркин, – конституционализм возник в Новое время в борьбе против абсолютизма. Тогда его содержание было ограничено тремя требованиями: принятие конституции, власть народа и права человека»¹⁵.

Данный подход – методологическая основа утверждения, что «понятие конституционализм полностью применимо к России и XVIII, и XIX вв.»¹⁶, но «не в смысле наличия конституции и парламента по западным образцам, а в смысле борьбы за политическую свободу и представительство»¹⁷.

В литературе обозначена и тенденция проследить историю отечественного конституционализма, начиная с Древнерусского государства. Так, И.А. Бурдукова усматривает истоки «формирования элементов конституциональных идей в Киевской и Московской Руси»¹⁸. Аналогично мнение Т.П. Корецкой, полагающей, что процесс становления конституционализма «начался с появлением первого государства восточных славян – Киевской Руси и был тесно связан с особенностями формирования российской государственности и правосознания»¹⁹.

Примерно также рассуждает и А.Г. Пархоменко. «Конституционализм, как идея, как движение по ограничению государственной монаршей власти на Руси существовал издревле (подтверждением чему свидетельствует история Новгорода и Пскова)»²⁰, – считает автор. Однако с таким подходом вряд ли можно согласиться. Потребность в идее и движении «по ограничению государственной монаршей власти» возникает, когда процесс усиления этой власти достигает своего апогея, то есть в условиях абсолютной монархии. Поэтому не случайно, что точкой отсчета истории отечественного конституционализма часто считают именно XVIII век.

Расширение хронологических рамок истории отечественного конституционализма актуализирует вопрос о его периодизации. Т.В. Степаненко

посвятила этой проблеме специальную статью. В ней автор рассматривает варианты ее решения, на основе которых предлагает свой. В варианте Т.В. Степаненко говорится о периоде «предконституционализма» (первая половина XVIII века), который связан с разработкой Верховным тайным советом кондиций (условий), ограничивающих власть императрицы; дворянском конституционализме (вторая половина XVIII века) и его трех основных направлениях: умеренном монархическом конституционализме (представителями которого были Н.И. Панин, А.А. Безбородко, А.Р. Воронцов); либеральном конституционализме (автор связывает с этим течением идеи просветителей – С.Е. Десницкого, Д.И. Фонвизина, Н.И. Новикова); революционно-демократическом конституционализме (взгляды А.Н. Радищева).

Применительно к первой половине XIX века Т.В. Степаненко выделяет правительственный конституционализм, «в который влилось и течение умеренного монархического конституционализма», ослабленное либеральное направление дворянского конституционализма, радикализированный революционно-демократический конституционализм (деятельность Негласного комитета, проекты М.М. Сперанского, Н.Н. Новосильцева, П.И. Пестеля). Во второй половине XIX века автор констатирует правительственный конституционализм 60–80-х годов (проекты П.А. Валуева, князя Константина Николаевича, М.Т. Лорис-Меликова); а в 80-е годы XIX в. – начале XX в. – направление либерального конституционализма, ставшее самостоятельным на фоне практического упразднения правительственного (Программа общества «Земский союз», программа Союза Освобождения). В качестве последнего периода дореволюционного конституционализма Т.В. Степаненко рассматривает формирование основ конституционной монархии (1905 – 1917 гг.)²¹.

При несовпадении мнений в отношении времени возникновения и периодизации конституционализма дореволюционного периода, исследователи рассматривают одни и те же идеи и проекты. Содержание и роль последних в становлении конституционализма были различны и не всегда зависели от социальной принадлежности тех, кто их предлагал и времени, в условиях которых они появлялись. Так, дворянин А.Н. Радищев разработал свой республиканский проект в XVIII веке, в условиях просвещенного абсолютизма. О республике в качестве политического идеала и разделении государственной власти на ветви говорится в проекте дворянина П.И. Пестеля первой четверти XIX века. В его проекте и проекте Н.М. Муравьева обозначена идея верховной власти закона. Государство, считал П.И. Пестель, должно находиться «под властью и управлением законов общественных, а не прихотей личных властителей»²². Поэтому необходима верховная Всероссийская грамота – Русская правда, обязательная для всех, в том числе и для Временного Верховного правления²³. «Ставя себя выше законов, – говорится в программе Н.М.Муравьева, – государи забыли, что они в таком случае вне закона – вне человечества!»²⁴.

Намного опередили свое время и проекты М.М. Сперанского – светила российской бюрократии. Не удивительно поэтому, что их резко критиковали консервативно настроенные дворяне. К предложенному в этих проектах варианту разделения государственной власти на ветви, закреплённому в «коренных» государственных законах²⁵, вернутся почти через 100 лет. Правда, существует мнение, что он дает о себе знать в политической теории и практике и сейчас²⁶.

В целом же именно условия становления отечественного конституционализма определили его особенности. Российский конституционализм «формировался в условиях доминирующего влияния самодержавной власти, при фактическом отсутствии опыта парламентаризма», – отмечает И.И.Бурдукова. На нем не могло не сказаться национальное правосознание, которое «на протяжении многовековой истории развивалось в монархической традиции власти»²⁷.

Поэтому конституционализм и XVIII, и XIX, и даже начала XX века был преимущественно монархическим. Конституционную монархию считали наиболее приемлемой для России формой правления такие выдающиеся представители либеральной политической мысли, как Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов. Монархический конституционализм предполагал эволюционный путь развития, реформы, которых ждали от верховной власти. Это ставило реализацию конституционной идеи в зависимость от главы государства. Неограниченная самодержавная власть должна была, следовательно, решиться на самоограничение. Отказаться добровольно от власти, даже частично, непросто. Но препятствия на пути к монархическому конституционализму не сводились к этому. «Общественное правосознание не содержало в себе каких-либо представлений о конституционном развитии»²⁸, – констатирует Ю.В. Пуздрач. Что же касается правосознания дворян – носителей конституционных идей вплоть до второй половины XIX в., то на него большое влияние оказывал западный опыт. Однако проекты, в которых шла речь об ограничении самодержавия, были чужды политической культуре страны²⁹. Правда, существует и другой подход к отечественному конституционализму. Так, по мнению И.И.Бурдуковой, конституционные идеи не были привнесены извне, они «складывались, формировались в процессе сложного противоречивого развития российской государственности»³⁰. И.А. Кравец рассматривает эти подходы в свете *теории полной рецепции* и *теории автохтонного происхождения* конституционализма³¹.

Выявление особенностей отечественного конституционализма предполагает использование обеих теорий. В конституционных идеях и проектах давал о себе знать и отечественный, и зарубежный опыт – примером могут служить проекты М.М. Сперанского.

Препятствием на пути борьбы за конституцию был и бюрократический характер государства. Совпадение интересов высшей бюрократии и

императоров «значительно усложняло борьбу и ослабляло позиции дворян-конституционалистов»³².

Тем не менее среди субъектов попыток конституционных преобразований были и либерально мыслявшие российские императоры: Александр I и Александр II, политика которых может рассматриваться как подготовка к конституционному пути развития³³. Это можно объяснить традицией реформ «сверху», с которой на всем протяжении существования был связан отечественный конституционализм. Смена направления реформ являлась «способом саморегуляции политической системы в условиях модернизации, для приобретения большей стабильности и устойчивости»³⁴.

Сложно давать прогнозы: мог бы состояться эволюционный путь развития, могла ли страна избежать революционных потрясений начала XX века, если бы не убийство Александра II. Но курс Александра III на неизбежность основ государственного строя помешать революционным событиям не смог.

Конституционализм XIX века отличался от конституционализма XVIII века интенсивной борьбой за ограничение самодержавия и принятие монархической конституции. Но практических результатов она не дала. Ни один из конституционных проектов не был реализован. Потерпела фиаско и просвещенная бюрократия, иницилирующая «реформы сверху». Консервативная политическая мысль сыграла в этом свою роль и при Александре I, и при Александре III. При Александре I мощным политическим тормозом стала «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» знаменитого историка Н.М. Карамзина, квинтэссенцией которой можно считать слова: «самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья»³⁵. При Александре III идейным вдохновителем курса на отказ от продолжения реформ царя-освободителя стал К.П. Победоносцев. Обер-прокурор Святейшего Синода, претендуя на знание помыслов и стремлений русского народа, утверждал, что народ конституции боится, конституция – это общенародный страх³⁶.

Курс на контрреформы Александра III все же не мог остановить развитие страны. Россия продолжала эволюционировать в направлении иного типа социальной, экономической, политико-правовой организации. В этих условиях, «в период 1890-1905 гг. России была предложена государственная формула – демократическое, конституционное, правовое государство»... Был найден и исторический преемник просвещенной бюрократии – интеллигенция. Но интеллигенции еще предстояло возвыситься до уровня стоящих перед ней грандиозных задач»³⁷.

Остается фактом, что верховная власть пошла навстречу общественному движению, борьбе за конституцию лишь под воздействием революционных событий. Юридическим оформлением очередной реформы «сверху» стала редакция Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 года. Однако этот правовой акт, давший повод ставить вопрос о появлении кон-

ституции в дореволюционный период, официально конституцией не именовался. Между тем понятие «конституция» играло «чрезвычайно значимую роль в политической дискуссии, сопровождавшей преобразования 1904-1906 гг. и, в особенности, выборы в законодательные палаты»³⁸.

Е.А. Юртаева в связи с этим констатирует, что в России взятому из другого языка термину «конституция» длительное время не придавался смысл «основополагающего праводекларирующего акта в современном понимании». На роль же «главного», «высшего» закона государства проектировались акты с другими названиями. Синонимичное понимание «основного закона» и «конституции» складывалось постепенно³⁹.

Правовой акт, закреплявший основы государственного строя, и названный в силу этого «Основные законы Российской империи», был принят задолго до принятия конституции (даже если считать таковой вторую их редакцию). Основные законы открывали Свод законов Российской империи, утвержденный в 1833 г. и введенный в действие с 1 января 1835 г. В них отражен принцип законности неограниченной власти главы государства. Уже поэтому высшая по сравнению с другими юридическая сила Основных законов, определяемая их содержанием, не могла не быть «явлением чисто номинальным»⁴⁰.

Вторая редакция Основных законов Российской империи существенно отличалась от первой. В ней предусматривались выборные законодательные органы, права и обязанности российских подданных.

Однако содержание Основных законов 23 апреля 1906 года противоречиво, поэтому аргументы имеются и у сторонников, и у противников признания их первой российской конституцией. Статьи 7, 86 закрепляли ограничение власти главы государства в области законодательной деятельности. Согласно указанным статьям, глава государства должен был принимать законы вместе с Государственной Думой и Государственным Советом. Но статья 87 в сочетании со статьями 98, 99 и 105 предоставляла ему, по сути, неограниченные возможности указного нормотворчества⁴¹. В связи с этим сложно безоговорочно констатировать юридическое ограничение власти главы государства в области законодательной деятельности. Разделение государственной власти на ветви не было последовательным: «Вводя элементы представительства, сами же Основные законы сохраняли полноту власти в руках монарха»⁴².

Прямое указание на верховенство Основных законов в смысле обязательности для всех субъектов права, включая императора, в них отсутствовало. Было лишь косвенное – в силу статьи 87, указное правотворчество в то время, когда Дума не работала – «во время прекращения занятий Государственной Думы», не могло «вносить изменений ни в Основные Государственные законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу». Это позволяет говорить о верховенстве Основных законов и, следовательно, о

юридическом ограничении ими императорской власти. Однако случившееся потом – принятие 3 июня 1907 года Положения о выборах в Государственную думу в порядке указного правотворчества, которое в литературе принято именовать государственным переворотом, подтверждает мнение о фактической неограниченности власти монарха.

Что же касается высшей юридической силы этой редакции Основных законов, то о ней говорят лишь некоторые формальные признаки. По статье 8, инициатива пересмотра Основных законов была прерогативой императора. Между тем указаний на необходимость соответствия других законов Основным в тексте последних нет.

Основные законы 23 апреля 1906 года не стали конституцией в современном смысле. Можно говорить лишь о конституционных чертах этого октроированного акта. Не став конституцией, Основные законы не обрели конституционного свойства верховенства. Идея верховенства конституционного акта, связанная с историей отечественного конституционализма, так и не была реализована. Но вторая редакция Основных законов Российской империи положила начало ее осуществлению.

¹ См.: Кравец И.А. Верховенство конституции в правовой системе России: подходы и измерения // Актуальные вопросы современной российской правовой науки: сб. ст. в 2 ч. Ч. 2. / Отв. ред. Л.И. Устинова, В.В. Разбирин. – Новосибирск, 2007. – С. 6.

² См.: Беспалый И.Т. Государственное право Российской федерации: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – Самара, 2007. – С. 87.

³ См.: Кузнецова Е.Н. Конституционная преемственность и конституционная перспектива // Конституция и демократия: взгляд в будущее. К 20-летию Конституции и избирательной системы Российской федерации. IX Международная научно-практическая конференция (Самара, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Материалы и доклады. – Самара, 2013. – С. 259-261.

⁴ См.: Лукьянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2003. – Глава 2, § 2.

⁵ См.: Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX-XX веков. – СПб., 2004. – Глава 5, § 2.

⁶ См., напр.: Степаненко Т.В. К вопросу о периодизации российского конституционализма // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 3 (139). – С. 86.

⁷ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – СПб., 2005. – С. 25; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М., 2008. – С. 7.

⁸ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права. Эпоха формирования. – М., 1994. – С. 370.

⁹ См.: Умнова И.А. Современные подходы, концепции и доктрины конституционализма // Современный конституционализм: Теория, доктрина, практика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – С. 33.

¹⁰ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – С. 53-54; Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1999. – С. 262.

¹¹ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – С. 54.

¹² См.: Кравец И.А. Указ. соч. – С. 31-53; Кутафин О.Е. Указ. соч. В.Е. Чиркин считает этот обзор наиболее полным. См.: Чиркин В.Е. Базовые ценности конституционализма в XXI веке // Современный конституционализм: Теория, доктрина, практика. – С. 12.

¹³ См.: Алферова Е.В. Российский конституционализм: особенности и противоречия его развития // Современный конституционализм: Теория, доктрина, практика. – С. 107-108.

¹⁴ Чиркин В.Е. Указ. соч. – С. 18.

¹⁵ Там же. – С. 16.

¹⁶ Степаненко Т.В. К вопросу о периодизации российского конституционализма // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №3 (139). – С. 186.

¹⁷ Муравьева Л.А. Становление конституционных идей в России XIX века, 1800 – начало 80-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук.- М., 2000. – С. 8.

¹⁸ Бурдукова И.И. Становление и развитие конституционных идей в России (от истоков до начала XX в.): дис. ... докт. философ. наук. – СПб., 2000. – С. 7; – Глава 2, § 1.

¹⁹ Корецкая Т.П. Становление российского конституционализма // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 19 (234). – Право. – Вып. 28. – С. 41.

²⁰ Пархоменко А. Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1999. – С. 264.

²¹ См.: Степаненко Т.В. Указ. соч. – С. 187-188.

²² Пестель П.И. Русская Правда: Наказ временному Верховному правлению / Предисл. П.И. Щеголева. Изд. 2-е. – М., 2016. – С. 8.

²³ Там же. – С. 10-11.

²⁴ Цит. по: Графский В.Г. История политических и правовых учений. 3-е изд. доп. – М., 2012. – С. 471.

²⁵ См.: Сперанский М.М. Юридические произведения. – М., 2008. – Часть вторая.

- ²⁶ См.: Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. (Размышления с позиций «civic culture») // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Гл. ред. И.И. Глебова. – М., 2011. – Вып. 3. – С. 73.
- ²⁷ Бурдукова И.И. Указ. соч. – С. 382.
- ²⁸ Пуздрач Ю.В. Указ. соч. – С. 462.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Бурдукова И.И. Указ. соч. – С. 375.
- ³¹ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – Глава 2. § 1.
- ³² Пуздрач Ю.В. Указ. соч. – С. 460.
- ³³ Там же. – С. 462.
- ³⁴ Бурдукова И.И. Указ. соч. – С. 383.
- ³⁵ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991. – С. 105.
- ³⁶ См.: Пролубников А.В. Идеи монархической государственности. – М., 2002. – С. 148.
- ³⁷ Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли. – М., 2006. – С. 306.
- ³⁸ См.: Юртаева Е.А. История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 2012. – С. 362.
- ³⁹ Там же. – С. 340.
- ⁴⁰ Там же. – С. 357-358.
- ⁴¹ См.: Лаптева Л.Е. История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов: отв. ред. Л.Е. Лаптева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. – С. 244-245.
- ⁴² Юртаева Е.А. Указ. соч. – С. 366.

Масловская Мария Владиленовна*,
*доцент кафедры государственного и административного права
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
кандидат юридических наук
(г. Саранск)*

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Проблемы, которые мы сегодня рассматриваем, не первый год обсуждаются научным сообществом. Так, в свое время по инициативе и под руководством профессора Н. В. Витрука в Российской академии правосудия

* © Масловская М.В., 2016